

Калимуллин Т.Р.

Проблема среднего класса в этносоциальном контексте*

В течение длительного времени социологи игнорировали влияние этнического фактора на процессы социальной дифференциации. На природу этнического престижа в западной теории социальной стратификации преобладала веберовская точка зрения, согласно которой этническая идентичность процветает только в условиях отсутствия «рационально ориентированного действия». Известно, что при всем своем внимании к этническим (кастовым) статусным группам, неравенство которых выражалось в сосуществовании позитивно и негативно привилегированных этносов, М.Вебер, тем не менее, не считал значимость такого деления сколько-нибудь важным для процессов социальной стратификации современных обществ. По его мнению, «сегодня классовое положение — преобладающий фактор, так как возможность вести такой образ жизни, который отличается от члена той или иной статусной группы, конечно, сильно обусловлен экономическими обстоятельствами»[1]. В отечественном классовом анализе господствовал сугубо экономический (марксистский) подход, утверждающий об экономической детерминированности социальных, в том числе и этносоциальных отношений. Такая точка зрения, в большей степени определяемая идеологическим влиянием сталинской социальной теории, опиралась на принцип соподчиненности этнических отношений экономическим, категорично отрицая дифференциацию по этническому признаку.

Однако современная социальная теория, выражаясь словами Ф.Паркина, подчеркивает и говорит о «ренессансе этнической идентичности и конфликта». К настоящему времени, прежде всего, западными социологами эмпирически верифицирован факт прямой зависимости этнической принадлежности и классового положения индивидов. Хотя образцы данной зависимости могут варьироваться от одного общества к другому, тем не менее, можно утверждать, что и в условиях российского социума, в ряде его регионов, например в Республике Татарстан, этничность предстает как один из важнейших факторов социальной стратификации. Более того, значимость этничности усиливается по мере восхождения от социальных низов к верхам иерархии неравенства, приобретая в его середине особую важность. Для того чтобы подчеркнуть особую важность этничности в стратификации современных обществ, западными социологами в семидесятые годы XX в. вводится понятие «новой этничности».

Данный термин, рассматриваемый западными социологами, главным образом, в контексте классовых отношений, призван обратить внимание исследователей на новые факторы социальной стратификации в Западной Европе. Так, согласно Н.Глэзеру и Д.П.Монихэну, в настоящее время отношения собственности перестают играть главную классовобразующую роль, и в то же время «этничность предстает как более фундаментальный источник стратификации»[2].

Одни исследователи основной причиной этих процессов считали рост так называемой «новой волны» эмиграции в Западную Европу и Северную Америку из стран третьего мира и Восточной Европы. Другие, как, например, Д.Белл, основную причину этих изменений видели в характере постиндустриального общества, деморализовавшего, вследствие роста благосостояния, экономическую идентичность рабочего класса, который, к тому же утратил прежнюю силу коллективного действия. Оставшийся моральный вакуум был заполнен этнической идентичностью. Большинство ученых, приступавших к анализу этносоциальных отношений, подчеркивали особый характер

социальной стратификации по этническому признаку. А некоторые, такие как Ф.Паркин, считают этнические группы «более эффективными, чем социальные классы в мобилизации своих ресурсов»[3].

Общепризнано, что формирование среднего класса в российском обществе натолкнулось на существенные трудности, которые в большинстве случаев обнаруживаются на макроуровне социальной структуры. Учитывая специфическую константную конфликтную характеристику среднего класса, как класса расположенного между верхом и низом иерархии неравенства, а также, принимая во внимание специфические реалии российского общества (несовершенство законодательной базы в области налогообложения, господство «нового класса» бюрократии, криминализованность большинства аспектов социального бытия и т.п.), многими социологами время оформления данного класса в качестве реального социального агента откладывается на неопределенную перспективу. В ряде регионов России этничность, наряду с обозначенными моментами, следует рассматривать как один из важнейших дифференцирующих средний класс признаков, усиливающих неконгенность данной общественной группы.

Каким образом осуществляется стратификация общества по аскриптивным (в данном случае по этносоциальным) характеристикам? В основе подобной дифференциации лежит механизм этнической самоидентификации. Иными словами, дифференциации социального окружения на «своих» и «чужих». «Свои» обладают набором устойчивых, формируемых под воздействием целого ряда факторов (территория проживания, традиции, язык общения, культурные практики и т.п.), признаков, по которым их можно отличить от «чужих»[4].

Однако подобная дифференциация сама по себе еще не приводит к возникновению этносоциальной иерархии. Последнее является результатом действия двух факторов. Во-первых, этносоциальная стратификация имеет место тогда, когда административно-политическая власть посредством законодательного и/или часто легитимного права номинации ставит разные этносы в неравное по отношению к себе положение. Одни рассматриваются как опора государственной власти, другие — как явные или скрытые ее противники, оказываясь соответственно на вершине и на нижних этажах социальной иерархии.[5]

Примерами из современной истории, демонстрирующими данный вид стратификации, могут служить прибалтийские государства, Чечня. Во-вторых, в условиях рыночной экономики разные этносы, обладая, вследствие разного рода культурных факторов (традиций, ценностей, норм и т.п.), неравной степенью приспособляемости к требованиям рынка, оказываются на разных этажах социальной иерархии. Наиболее ярко данный вид этно-социальной стратификации проявляется в так называемой сфере этнического предпринимательства. «Китайские кварталы» и «итальянские пиццерии» в крупных городах мира, феномен «предпринимателей-южан» в России во многом свидетельствуют о существовании значительной разницы между этносами в возможностях «интернализации» требований внешней среды. Корни этого явления, очевидно, следует искать не в зомбартовском делении народов, берущем свои истоки из теории Ж.Гобино, на «героев» и «торговцев», сопрягаемых с расово-биологическими и природно-климатическими причинами, но скорее в том, что называется «совокупностью нравов и обычаев данного народа, этноса»[6].

Этносоциальная стратификация проявляется только в полиэтничных обществах. Таким образом, под этносоциальной стратификацией имеется в виду неравенство различных

этносов. Признаками неравенства служат классические критерии социальной стратификации, такие как доход, престиж, объем власти, уровень жизни, перспективы социальной мобильности и т.п. В качестве особого индикатора статусной позиции в системе этносоциальной стратификации следует рассматривать безопасность и стабильность физического существования представителей этнических групп.

Необходимо сказать несколько слов об исторических предпосылках становления современной этносоциальной стратификации в Республике Татарстан. В советский период процессы дифференциации по этническому признаку в Татарстане осуществлялись под мощным воздействием властного поля стратификации. Последнее имело своим следствием, используя терминологию М.Вебера, формирование «негативно привилегированных» и «позитивно привилегированных» этносов.

В силу целого ряда причин (социального закрытия наиболее важных социальных позиций особенно в сферах политики, административного управления и промышленного производства, препятствий в осуществлении социальной коммуникации на родном языке, одним словом — этносоциальной дискриминации) негативно привилегированной этнической группой на территории республики были татары. Не являясь статистическим меньшинством, татары, тем не менее, обладали статусом социального меньшинства. «Социальные отношения большинства-меньшинства — это отношения доминирующей и доминируемой групп».[7] В качестве доминирующей этносоциальной группы на территории республики были русские. Привилегированность русских не обуславливалась осуществлением каких-либо насильственных действий в отношении татар. Скорее это было следствием властной номинации этакратическими институтами статуса различных этносов, вследствие чего русские и русскоязычное население рассматривались как опора, а татары как скрытый противник функционирования «государства братских народов», во главе со «старшим русским братом».

В области социальной стратификации последствия подобных отношений меньшинства-большинства выражались в больших жизненных шансах русскоязычного населения. Соответственно татары имели меньше перспектив на социальное восхождение. Невозможность общения на родном языке в среде городской культуры существенно уменьшала их шансы продвинуться вверх по социальной лестнице. Практика сдачи вступительных экзаменов в вузы на русском языке не позволяла многим татарам (особенно выходцам из деревень) успешно конкурировать с русскими. В последующем кретенциалистская прерогатива русских способствовала проникновению и, в определенной степени, монополизации ими некоторых профессиональных ниш, которые в западной социологической теории соотносились с позициями средних классов. Должности ведущих инженеров, главных специалистов, заместителей директоров и практически весь директорский корпус в республиканской профессиональной структуре в основном занимали русские. Соответственно существовала тесная корреляция между высокими жизненными шансами русских и другими параметрами социальной стратификации, такими как доход, престиж и власть.

Трудно предположить, что следствия данного процесса (этносоциальной стратификации в советском обществе) не оказывают какого-либо воздействия на процессы дифференциации современного социума. Позитивно привилегированное социальное большинство всегда стремится сохранить свои главенствующие позиции, в то время как негативно привилегированное социальное меньшинство во все времена старается изменить свой низкий статус в обществе. Наиболее ярко это явление описано М.Вебером. «Дух благородства», характеризующий положительно привилегированные статусные группы, естественно связан с их «бытием», которое для них «удобно и прекрасно». Их

царство — на земле. Они живут для настоящего, эксплуатируя свое «великое прошлое». Дух благородства негативно привилегированных страт, разумеется, относится к их будущему, в основу которого должно лечь настоящее и определить будущее, на том или на этом свете — безразлично».[8] Борьба между двумя полюсами этносоциальной иерархии приобретает особенную остроту в периоды трансформаций и социальных потрясений.

Анализ ряда признаков современной этносоциальной стратификации в Республике Татарстан показывает, что к настоящему времени с точки зрения *жизненных шансов* более предпочтительные перспективы имеют представители татарской национальности. Исследование этнического состава руководителей, ИТР и служащих предприятий и учреждений, т.е. потенциальных представителей нового среднего класса в городе Набережные Челны, показало, что более 70% ключевых должностей замещаются лицами татарской национальности. В этой связи, хотелось бы привести примечательный случай. Во время проведения полевого исследования на одном крупном строительном предприятии Набережных Челнов начальник отдела кадров отметила, что свыше 65% руководящих работников составляют представители татарской национальности. На наш вопрос, с чем она связывает эту ситуацию, получить адекватного ответа не удалось.

Представляется, что даже по самым приближенным данным аналогичную ситуацию можно наблюдать не только в пределах других промышленных предприятий Набережных Челнов, но и в рамках всей городской социально-классовой структуры Республики Татарстан, что особенно касается системы административного управления, бюрократическая система которой в настоящее время конституируется при подавляющем господстве татар. Вполне естественно возникает ряд вопросов. Произошла ли трансформация негативно привилегированной этносоциальной группы татар в позитивно привилегированную страту? Если да, то каким образом данная ситуация относительного превосходства татар воспринимается и социально конструируется другими этническими группами? Способствует ли эта явная диспропорция в профессиональной представительности различных этносов в наиболее престижных сферах приложения труда возникновению конфликтогенных очагов? И наконец, может ли обозначенная ситуация препятствовать формированию среднего класса?

Сразу же необходимо отметить, Республика Татарстан, и город Набережные Челны в частности, является, с точки зрения межнациональных отношений, относительно спокойным регионом. Набережные Челны — полиэтничный город, с представлением двух основных этнических групп: русских и татар. Всплесков национализма (в неэтикетском понимании данного термина) не наблюдается, что подтверждается данными как первого, так и второго исследования. При ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете русско-татарские отношения в Вашем городе?», более двух третей респондентов оценили их как «нормальные», хотя около трети опрошенных считают русско-татарские отношения в республике «удовлетворительными» и даже имеющими тенденцию становиться «напряженными».

Для определения уровня напряженности русско-татарских отношений респондентам было предложено сравнить их до финансового кризиса и после. Любопытно, что большее количество негативных ответов относится к периоду после августовского (1998 г.) кризиса, причем число русских, положительно ответивших на вопрос о наличии некоторой напряженности в межэтнических взаимоотношениях по сравнению с татарами, заметно выше и составляет соответственно 15,0% и 7,7%. На данном примере можно наблюдать повторение ситуации, проявившейся в Татарстане в конце 1980-х начале 1990-х гг. — времени принятия Татарстаном суверенитета и заключения целого ряда договоров

о разделении полномочий между федеральным центром и республиканским правительством, когда четко прослеживалась одна тенденция: «русские в большей степени, чем татары, признают межэтнические отношения достаточно напряженными»[9]. Т.Г.Исламшина, в частности, связывала это с тем обстоятельством, что русское население республики проецировало свои ожидания на процессы, происходящие в республиках бывшего СССР (вытеснение русского языка, ограничения в гражданстве и т.п.).

На наш взгляд, в данном случае можно предположить и о существовании еще одной связи. В периоды ухудшения материального положения людей можно наблюдать усиление этнической идентичности и престижа. И наоборот, когда благосостояние людей заметно повышается, этническая идентичность несколько ослабляется. Данная ситуация эмпирически верифицируема. По крайней мере, в данном исследовании связь между обозначенными параметрами была обнаружена (см. табл.1).

Вполне очевидно, что внутрипроизводственные отношения, отношения в системе «руководитель — подчиненный», а также взаимоотношения респондентов с социальным окружением в большинстве случаев не опосредованы этническим фактором и не характеризуются сколько-нибудь значительной конфликтностью. Подавляющее большинство опрошенных считают, что национальность руководителя, этнический состав производственного коллектива, в котором они работают, для осуществления нормальной трудовой деятельности не имеют никакого значения. На наш взгляд, главная проблема заключается в возможностях вертикальной социальной мобильности этнических групп в республике Татарстан.

Таблица 1

Соотношение признаков материального благосостояния в разные периоды и уровня оценки межэтнических взаимоотношений (Набережные Челны (1999 г.)

Националь- ность	До финансового кризиса									
	Уровень благосостояния					Оценка отношений				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Татары	7,7	80,0	9,2	3,1	100	72,3	24,6	3,1	100	
Русские	11,7	78,3	10,0	0	100	53,3	35,0	11,7	100	
Другие	0	75,0	25,0	0	100	50,0	25,0	25,0	100	
Итого	9,3	79,1	10,1	1,6	100	62,8	29,5	7,8	100	

Националь- ность	В настоящее время									
	Уровень благосостояния					Оценка отношений				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Татары	1,5	61,5	32,3	4,6	100	63,1	29,2	7,7	100	
Русские	1,7	65,0	31,7	1,7	100	45,0	40,0	15,0	100	
Другие	0	100	0	0	100	50,0	25,0	25,0	100	
Итого	1,6	64,3	31,0	3,1	100	54,3	34,1	11,6	100	

Индексы: 1-все в порядке, живу как хочу, ни в чем себе не отказываю; 2-имею ограниченный достаток; 3-живу в бедности; 4-иначе; 5-итого; 6-нормальные; 7-удовлетворительные; 8-напряженные; 9-итого.

Основным источником повышения социального статуса в среде российского среднего класса является продвижение вверх по служебной лестнице. Хотя мобильность вверх

	предпочтительные	предпочтительные	шансов	ответить		предпочтительные	предпочтительные	шансов	ответить
Татары	15,4	38,5	0	46,2	100	52,3	10,8	0	36,9
Русские	3,4	62,7	10,2	23,7	100	83,1	0	0	16,9
Др.нац-ть	0	100	0	0	100	100	0	0	0
Итого	9,4	51,6	4,7	34,4	100	68,0	5,5	0	26,6

Однако в нашем случае данная теоретическая схема малоперспективна, поскольку в ней не учтен факт узости рынка труда провинциального города, который в большинстве случаев приковывает членов нового среднего класса к государственному предприятию, учреждению. Если в постиндустриальных странах, благодаря развитию третичного, четвертичного и пятеричного секторов у представителей нового среднего класса, имеются большие возможности для профессиональной горизонтальной мобильности, то в современной России, и тем более в провинциальном городе, не все так благополучно. В частности, в исследовании была предпринята попытка выяснить возможности трудоустройства респондентов в случае неожиданной потери работы. Только 23,3% респондентов считают, что довольно быстро смогут найти работу, в то время как у 33,3% будут большие трудности при возникновении подобной ситуации, а 14,7% — придется менять профессию. Причем процент русских, допускающих потерю работы в обозримом будущем, несколько выше (48,3%), чем у татар (33,8%).

Важно то обстоятельство, что русскими данная ситуация воспринимается как осуществление этнической дискриминации. В частности, для выяснения этой в целом неоднозначной проблемы респондентам был предложен следующий вопрос: «Существует ли этническая дискриминация в республике Татарстан?» Как видно из таблицы (см. табл.3), 60% русских положительно ответили на данный вопрос. Между тем 21,5% татар также склонны считать, что дискриминация по национальному признаку имеет место. В дальнейшем выяснилось, что 50% русских и 20,6% татар связывают этническую дискриминацию с возможностями продвижения по службе. И, наконец, на вопрос о том, в отношении каких национальностей осуществляется этническая дискриминация в Республике Татарстан, подавляющее большинство или 97,1% русских и 61,9% татар, пожелавших ответить на этот вопрос, считают, что дискриминации подвергаются русские и/или русскоязычное население. Причем около 20% респондентов татар также считают себя дискриминируемой этнической группой.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Существует ли этническая дискриминация в республике Татарстан» (Набережные Челны, 1999 г., в %)

Национальность	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
1. Татары	21,5	41,5	36,9	100
2. Русские	60,0	18,3	21,7	100
3. Другие	75,0	0	25,0	100
Итого	41,1	29,5	29,5	100

Как видно из данных таблицы 3, количество респондентов, отмечающих наличие этнической дискриминации в Республике Татарстан, довольно значительно. Более трети опрошенных (21,5% татар и 60% русских) подтверждают, что стратификация по этническому признаку в условиях современного российского общества имеет место. Но в

страте негативно привилегированной (дискриминируемой) группы, сконструированной на основе субъективных представлений, имеются как русские, так и татары.

Случаен ли данный факт? На наш взгляд, нет. Во-первых, это подтверждает мнение, что многие татары еще не освободились от ощущения принадлежности к социальному меньшинству, притесняемому со стороны доминирующей этнической группы (русских). Во-вторых, высокий процент русских, считающих себя доминируемой этносоциальной группой, свидетельствует о серьезных изменениях в этносоциальной иерархии в татарстанском обществе. Татары в целом ныне не являются негативно привилегированной группой. Конечно, процесс кристаллизации этносоциальной лестницы далек от завершения, но он определяется одним важным моментом. Социальное конструирование новой этносоциальной иерархии в Республике Татарстан осуществляется в настоящее время под воздействием двух разнонаправленных тенденций — стремлением русских сохранить статус позитивно привилегированной группы, и желанием татар осуществить мобильность вверх.

С точки зрения теории социального неравенства мы рассматриваем позитивную привилегированность татар как следствие максимального использования ими своего социального капитала, одной из форм которого в данном контексте является этничность. Этничность выступает здесь одновременно в двух ипостасях: 1) фактором стратегии «исключения» в процессе «создания перегородок» и 2) социальным ресурсом, позволяющим извлекать дивиденды и увеличивать (символически или материально) свой капитал. Механизм «социального закрытия» был успешно описан М.Вебером и развит в дальнейшем Ф.Паркином. Необходимо отметить, что теоретические построения неовеберианской школы классового анализа убедительно показывают их соответствие современной российской реальности, а именно, описанному нами явлению (снижение возможностей русских осуществить мобильность на некоторые позиции и, соответственно, увеличение жизненных шансов татар). «Отличительной особенностью исключаящего закрытия является попытка одних групп гарантировать для себя привилегированные позиции при исключении других групп через процесс подчинения».^[11] «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, — пишет П.Бурдьё, — зависит от наличного капитала».^[12]

Социальный капитал татар (этничность) способствует успешному проникновению в наиболее ценимые в плане престижности социальные позиции. Соответственно, капитал русских (этничность) в современных условиях в Республике Татарстан ценится меньше, чем, например, в советский период, тогда как татары были в то время в той же ситуации, в какой сейчас находятся русские. Он (капитал) подобен неиспользованному ресурсу, т.к. не позволяет в должной мере извлекать (материально или символически) прибыль, как в случае с татарами. Этот факт свидетельствует о том, что в *неравных* условиях на рынке труда оказывается значительная часть (нетатарского) населения республики.

Все эти моменты можно было бы воспринимать как нормальное естественное явление, как это принято в современной социологической теории, особенно у сторонников конфликтной парадигмы, если бы отечественный, а вместе с ним и республиканский рынки по всем параметрам попадали под определение капиталистического, в рамках которого все виды капиталов (по П.Бурдьё) имеют равные шансы быть конкурентоспособными. Однако в условиях тотального управления и вмешательства со стороны государственной власти, направляющей все свои усилия, прежде всего, на сохранение влияния монополистического капитала, назвать наш рынок капиталистическим, в классическом понимании данного понятия, было бы большой

ошибкой. Вместе с тем следует отметить, что рынок в нашей стране, конечно, с известными оговорками формируется. И в данных условиях русские оказались к тому же психологически неготовыми к конкуренции со стороны татар. Данную ситуацию можно сравнить с изменением роли женщин в капиталистических странах в 1960-1970 гг., когда массированное внедрение последних в беловоротничковый сектор способствовало снижению количества в данных статусных нишах клерков-мужчин.

Сказанное не означает, что татары монополизировали все важные позиции социальной иерархии. Они открыты для проникновения других этнических групп. Но важно подчеркнуть, что открытость пока носит ограниченный и/или избирательный характер. И это можно считать нормальным, объективным явлением хотя бы уже потому, что в обществе любого типа наиболее ценимые социальные позиции всегда количественно ограничены. Существуют профессиональные ниши, доступ в которые для татар существенно ограничен. Например, статусные позиции профессорско-преподавательского состава наиболее престижных казанских вузов (особенно технических) заняты, в большинстве случаев, русскими. Кроме того, статусные позиции рабочих, низшие позиции срединного среза социально-классовой структуры (служащие неспециалисты, технический персонал и т.п.) в настоящее время главным образом заняты татарами. В этом плане можно говорить о принижённом положении татар. Вышеизложенное означает скорее, что на данном этапе развития стратификационных процессов социальная среда благоприятствует именно татарам. Теперь они имеют гораздо больше возможностей повысить свой социальный статус, чем, например, в советский период. И было бы удивительным, если бы они не воспользовались своим шансом.

Необходимо отметить, что в исследовании потенциального среднего класса провинциального полиэтничного города значительной дифференциации этнических групп по критерию уровня дохода обнаружено не было (см. табл. 4), что еще раз подтверждает переходный характер формирования новой этносоциальной структуры. Хотя жесткой связи между позицией в этносоциальной иерархии и уровнем дохода не существует. Имеется немало исторических примеров, когда представители негативно привилегированной этносоциальной группы имели доход, значительно превышающий аналогичный показатель позитивно привилегированной группы. Соответственно в количественном отношении и русские и татары в одинаковой мере представлены в провинциальном среднем классе.

Таблица 4

Уровень доходов потенциальных представителей среднего класса в г.Набережные Челны (1999 г., в %)

Национальность	Доход (в руб.)						Итого
	Менее 500	501-800	801-1000	1001-2000	2001-3000	Свыше 3000	
Татары	42,2	31,3	18,8	3,1	1,6	3,1	100
Русские	40,7	30,5	15,3	10,2	3,4	0	100
Др. национальность	25,0	75,0	0	0	0	0	100
Итого	40,9	32,3	16,5	6,3	2,4	1,6	100

В отношении такого специфического измерения стратификации, каким является язык, важно подчеркнуть, что внутри Республики Татарстан сложилась ситуация, которая полностью подпадает под определение амбивалентной. С одной стороны, усилившееся

значение татарского языка (в республике функционирует одновременно два государственных языка: татарский и русский), особенно при продвижении во властные и административные структуры, способствует владеющим им лицам более быстрому карьерному восхождению (см. табл.5). Социальная значимость языка (татарского) увеличивается по мере восхождения от низших ступеней общественной иерархии к высшим. С другой стороны, сохраняющий свое влияние, как основное средство общения городского населения, русский язык не позволяет полностью реализовывать культурные потребности лицам, не владеющим данным языком (в основном татарам, мигрировавшим недавно из деревень). Важность языка (русского) также усиливается от социальных низов к верхам.

Можно предположить, что статус татарского языка в этноязыковой иерархии в ближайшем будущем претерпит некоторые изменения. В частности, это будет проявляться в стремлении этнополитической элиты уравнивать статус русского и татарского языков, а в перспективе усилить значимость второго. Однако, на наш взгляд, некоторая приниженность статуса татарского языка вряд ли будет преодолена. Во-первых, двуязычие и/или «многоязычие, допустимое в принципе, на практике вносит в требующую слаженности государственную машину элементы диссонанса, понижает ее эффективность, создавая сложности при прохождении информации».^[13] Во-вторых, в связи с двуязычием возникают неизбежные трудности в социальной коммуникации. Например, практика преподавания специализированных курсов в вузах на юридических факультетах на русском языке не позволит даже в будущем уравнивать статусы государственных языков Республики Татарстан, поскольку финансовые вопросы, связанные с подготовкой квалифицированного (владеющего навыками общения на двух языках) персонала, публикацией учебного материала и т.п., в настоящее время вряд ли могут быть решены. Кроме того, для уравнивания статусов языков потребовались бы адекватные переводы текстов российского законодательства, что практически неосуществимо и нецелесообразно. Соответственно, русский язык сохранит свое привилегированное положение, выступая, через систему образования, в качестве критерия допуска к большинству профессиональных ниш.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как повлияет на Ваше продвижение по службе незнание татарского языка» (Набережные Челны (1999 г.)

Национальность	Ускорит	Затруднит	Не имеет	Затрудняюсь	Итого
			Значения	ответить	
1. Татары	0	40,0	26,2	33,8	100
2. Русские	0	60,0	20,0	20,0	100
3. Другие	0	75,0	0	25,0	100
Итого	0	50,4	22,5	27,1	100

Таким образом, обозначенные выше ситуации являются не только нерациональными (в веберовском смысле), когда известное количество квалифицированного персонала оказывается неконкурентоспособным по независящим от него условиям, но и возможным источником будущего конфликта, который в настоящее время в имплицитной форме уже присутствует в социальных практиках конструирования неравенства. Сегодня большинство нетатарского и часть татарского населения республики, особенно занятого в государственном секторе экономики, оценивает свои шансы продвижения по служебной лестнице как наименее предпочтительные. Более того, как показывают данные исследования, эти настроения наиболее отчетливо проявляются у представителей

срединного среза социально-классовой структуры татарстанского общества, что свидетельствует о существовании латентных, внешне не проявляемых процессов диссоциации внутри еще несуществующего среднего класса. Элементы дивергенции в этноязыковой иерархии в Республике Татарстан будут вносить немалые социальные коррективы в процесс конституирования новой этносоциальной стратификации, порождая противоречия между носителями языков.

В случае, когда речь идет о Республике Татарстан, скорее всего, мы имеем дело с господством властного измерения стратификации над остальными. Облеченные властью сегодня имеют несравненно большие перспективы повысить свою позицию в иерархии неравенства, чем те, кто ее лишен. Высшие политические элиты, заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения, стараются максимально оградить доступ на важные социальные позиции «нежелательных», «не своих». Успешность этой политики, не встречающей никакого противодействия со стороны, способствовала в целом формированию в Республике Татарстан моноэтнической политической номенклатуры. В последующем этот механизм формирования конформной для высших политико-административных кругов среды был экстраполирован из административной системы в производственную и другие сферы. Следствием всех этих процессов стало возникновение негласной системы так называемой «мягкой» формы дискриминации, или выражаясь социологическими терминами, «стратегии исключения».

Зафиксированное этническое неравенство в республиканской социальной структуре свидетельствует о трансформации этносоциальных отношений во властные. Нет сомнения в том, что в Республике Татарстан властная иерархия строится по этническому признаку. Более серьезные опасения вызывает тенденция формирования этнической иерархии по принципу властных отношений. Последнее уже сегодня отрицательно сказывается на атмосфере межэтнического взаимодействия в республике. В области социальной стратификации это выражается в снижении темпов социальной мобильности в среде нетатарского населения, что является конфликтогенным фактором. Вместе с тем значительная часть татарского населения в настоящее время имеет больше перспектив на социальное восхождение и, прежде всего, на позиции среднего класса, что следует рассматривать как позитивное следствие освобождения от статуса негативно привилегированной группы.

Примечания

*) Эмпирической базой работы послужили материалы двух авторских исследований городской социально-классовой структуры Республики Татарстан (зима 1997-98 г.) и потенциального среднего класса провинциального полиэтнического города (весна 1999 г.), в ходе которых по методике В.И.Паниотто было опрошено 1111 респондентов в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске, Елабуге и 129 респондентов в Набережных Челнах соответственно.

1) Вебер. Класс, статус и партия / Социальная стратификация. Вып. I. — М.: Ин-т народнохоз. прогноз., 1992. — С. 32.

2) Цит. по: Parkin F. *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*. — Tavistock Publ., 1979, P. 33

3) Цит. по: Parkin F. *Marxism and Class Theory: A Bourgeois Critique*. — Tavistock Publ., 1979, P. 33

4) Проблема определения признаков этнической принадлежности считается одной из основных в этносоциологической теории. На природу этнической идентичности существуют два подхода. Субстанционалистская парадигма (примордиализм) позволяет

рассматривать этнос как совокупность людей, обладающих определенными сходными социокультурными ценностями. Конструктивистская (релятивистская) парадигма исходит из отрицания наличия какой-либо этнической субстанции, рассматривая этнос как результат определенного рода отношений. В данной работе этнос рассматривается с традиционной для отечественной социологии субстантивистской точки зрения.

5) См.: Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 — 1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. — Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, Ин-т социологии РАН, 1996. — С. 274-333; Ильин В.И. Этнос как результат социального конструирования // Завьялов Б.М., Гончаров И.А., Ильин В.И., Семенов В.А. Человек и этнос: философия, социология, этнология. — Сыктывкар: СыктГУ, 1998. — С. 35-62; Скворцов Н.Г. Этничность: социологическая перспектива // Социол. исслед. — 1999. — N 1. — С. 21-72.

6) Более подробно см.: Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политич. исслед. — 1993. — №5. — С.79-87.

7) Ильин В.И. Социальное конструирование национального меньшинства // Этнические стереотипы в меняющемся мире. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1998. — С. 9.

8) Вебер М. Класс, статус и партия. — С.31.

9) Исламшина Т.Г. Этнические ценности полиэтничного общества: Социологический очерк. — Казань: Казан. гос. техн. ун-т., 1996. — С.211.

10) Подробнее см.: Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: презентация классической концепции // Рубеж. — 1997. — №10-11. — С.58-65.

11) Parkin F. Op. cit. P. 45.

12) Бурдые П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 42.

13) Ильин В.И. Этнос как результат социального конструирования. — С. 51.